

ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

Джованни Боккаччо

Жизнь Данте

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
Б78

Перевод с итальянского Эльги Линецкой

Боккаччо, Д.

Б78 Жизнь Данте / Д. Боккаччо; [пер. с итал. Э. Линецкая]. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2019. – 112 с. – (Исторические хроники).

ISBN 978-5-521-74321-6

Джованни Боккаччо известен во всем мире как автор бессмертного «Декамерона», но его перу принадлежит жизнеописание другого гения итальянской литературы эпохи Возрождения — Данте Алигьери. В своём литературно-художественном исследовании Джованни Боккаччо рассказывает о годах учения Данте, о его любви к Беатриче, о политических пристрастиях и изгнании, а также о характере и привычках великого итальянского поэта.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
ВІС ВР
BISAC BIO000000

*Начинается рассказ о происхождении,
жизни, трудах и обыкновениях
прославленного мужа Данте Алигьери,
знаменитого флорентийского поэта,
и о творениях, им созданных*

I. ВСТУПЛЕНИЕ

Солон, чье сердце уподобляли рукотворному храму нерукотворной мудрости, чьи священнейшие законы и поныне неопровержимо свидетельствуют о справедливости древнего правосудия, — так вот, Солон, как утверждают некоторые, любил повторять, что государство, подобно нам, людям, ходит и стоит на двух ногах, и всякий раз с глубоким убеждением добавлял, что правая нога — это обыкновение неуклонно карать всякую провинность, а левая — столь же неуклонно награждать любое доброе деяние; и еще он говорил, что если в государстве по злоумышлению или нерадивости нарушают либо не всегда соблюдают одно из этих правил, оно вскорости неизбежно охромеет, а если там, на горе себе, пренебрегают обоими, то и вовсе обезножит. В согласии с этим достохвальным и

умнейшим советом многие славные народы древнего мира чествовали достойных своих граждан по их заслугам: кого — причислением к сонму богов, кого — мраморной статуей, многих — торжественным погребением, тех — триумфальными арками, других — лавровыми венками; что же до наказаний, которым подвергали виновных, у меня нет охоты о них распространяться.

Таким путем, награждая и наказуя, Ассирия, Македония, Греция и наконец Рим все ширились и ширились, пока владения их не достигли рубежей земли, а слава — вышних звезд. Меж тем нынешние их наследники, особливо мои флорентийцы, не только не следуют высокому примеру предков, но так им пренебрегают, что все награды за добродетель присваивает честолюбие, поэтому может ли у меня, да и у всякого, кто наделен здравым смыслом, не скорбеть душа при виде того, как возводят в высокий сан злодеев и распутников, как назначают их на почетнейшие должности и осыпают наградами, а добродетельных изгоняют, порочат, уничижают? Какова будет кара божия вершителям этих преступлений — забота не наша, людей малоприметных, плывущих, куда их гонит судьба, и подобным беззакониям непричастных, а тех, кто стоит у кормила этого корабля. Хотя я мог бы подкрепить свои слова множеством всем известных примеров неблагодарности и постыдного попустительства, но, дабы не слишком выставлять на всеобщее обозрение наши пороки и быстрее

перейти к предмету моего повествования, мне довольно рассказать об одном только случае — правда, не мелком, не пустячном, — а именно об изгнании прославленного мужа Данте Алигьери. Чего был достоин этот исконный флорентиец, отпрыск почтенного семейства, равно блиставший и добродетелями, и обширными познаниями, оказавший Флоренции значительные услуги, о том гласят и будут гласить его свершения, и, несомненно, в государстве поистине справедливом он заслужил бы высочайших почестей.

Какое подлое злоумышление, какое постыдное дело, какой убийственный пример, какое непреклонное доказательство грядущей гибели! Вместо наград — несправедливый и жестокий приговор, пожизненное изгнание, лишение наследия отцов и попытка — разумеется, обреченная на неудачу! — опорочить величайшую славу облыжными обвинениями! Его бегство из Флоренции, его останки, преданные чужой земле, его дети, живущие врозь, у чужих людей, — вот они, доньше не истершиеся следы тех событий. И если было бы возможно скрыть от всевидящего ока Господня все прочие злодеяния флорентийцев, разве этого одного не довольно, чтобы их покарал гнев Всевышнего? Более чем довольно! Благопристойность требует, чтобы я промолчал о тех, кто, в отличие от Данте, был осыпан почестями.

Внимательно оглядевшись вокруг, видишь, что нынешние поколения мало того, что сошли с пути

предков, о котором я уже упоминал, но и свернули совсем в другую сторону. И если, наперекор приведенному выше изречению Солона, мы — да и все живущие подобным образом — не падаем, а по-прежнему стоим на ногах, объяснения этому надобно искать в том, что либо время, как это часто бывает, постепенно изменило природу вещей, либо Господь Бог, снисходя к заслугам наших праотцев, поддерживает нас, свершая тем самым великое и непостижимое чудо, либо, исполненный долготерпения, он ждет нашего раскаяния; но, так или иначе, если мы не поспешим с этим раскаянием, гнев Божий, медленно, но неуклонно близящийся час возмездия, обрушит на нас беды тем более тяжкие, чем дольше мы будем коснеть в грехах. Я твердо знаю, что за любой, даже тайный проступок нам когда-нибудь придется держать ответ, и, значит, следует не только избегать недобрых дел, но и стараться праведными деяниями искупить свершенное; поэтому, будучи уроженцем Флоренции и, следовательно, занимая в ее истории какое-то место, пусть и самое малое, меж тем как Данте Алигьери благодаря своим заслугам, добродетелям и высокородности занимает огромное, я, подобно любому флорентийцу, должен воздать ему честь; сознавая, что дарования мои чересчур убоги для столь великого дела, я тем не менее обязан восславить поэта, насколько позволит мне мой негромкий голос, раз уж сама Флоренция до сих пор не вознесла ему громоподобной хвалы; но не

статую, не пышное надгробие я воздвигну ему — у нас этот обычай вывелся, к тому же подобное свершение мне не под силу, — нет, я возвеличу его словами, хотя для такой цели они слишком бедны. Но чем богат, тем и рад, — лишь бы чужеземные народы и вкупе, и порознь не посмели утверждать, что соотечественники поэта проявили неблагодарность к его великой памяти. И писать я буду слогом незатейливым, без всяких прикрас, ибо только на такой и хватит моего умения, избрав то самое флорентийское наречие, на котором, как всем известно, написана большая часть творений Данте; я буду писать о том, о чем сам он скромно умалчивал: о благородстве его происхождения, о жизни, о трудах и привычках; перечислю одно за другим его творения, которые так вознесли его в глазах потомков, что, быть может, слова мои против воли и желания не столько просветлят, сколько затуманят черты поэта, и буду признателен всякому, кто, зная больше, нежели я, укажет мне мои ошибки и исправит их. И дабы этих ошибок было меньше, я смиренно молю Того, Кто, как нам ведомо, дозволил Данте вознестись на горние высоты, — да поможет Он мне, да укрепит мой разум и слабую мою руку.

I. РОДИНА И ПРЕДКИ ДАНТЕ

Если верить древним историкам, равно как и утверждению всех нынешних, Флоренция, один из благороднейших итальянских городов, была основана римлянами. С ходом времени пределы ее так расширились и так много стало в ней жителей, простолудинов и знатных мужей, что соседние города начали почитать ее уже не городом, но могущественной державой. Трудно сказать, какова причина того, что после столь блистательного начала все так изменилось — неблагосклонность ли фортуны, враждебность ли небес или поведение самих флорентийцев, но всем ведомо, что несколько веков спустя Аттила, свирепый вождь вандалов и опустошитель чуть ли не всей Италии, предал смерти или обратил в бегство большую часть жителей Флоренции, особенно тех, кто был известен древностью рода или высоким положением или еще чем-нибудь прославлен, а затем превратил ее в развалины и пепелище, и в таком виде она пребывала, кажется, лет триста. Потом, когда Римской империи пришлось из Греции переме-